

Чеховское наследство.

«Я презираю ваши книги, презираю всё благо мира и мудрость». «Всё ничтожно, бренно, призрачно и обманчиво, так жилая. Смерть сотретъ васъ съ лица земли парантъ съ подпольными мышами. Исторія, безсмертіе вапикъ геновъ заморинуть или сгорятъ мышь съ земныхъ широтъ». (Пари). Такъ пишеть молодой юрискъ, заключившій пари съ боткиромъ: «я презираю свободу и жизнь, здоровье и богатство».

«Не нужно мнѣ ни цѣна, ни сѣбазонъ, ни особая хитрость, ни гостей, ни твоего приданого», — говорить женѣ молодой землецъ. (Именины).

«Наша жизнь и загробный міръ одинаково непонятны и страшны... Я не понимаю и боюсь жизни... Мнѣ все страшно... Я не способенъ различать, что правдъ и ложь... Я не понимаю, что и зачѣмъ и дѣлаю... Если цѣль жизни въ нуждѣ и страданіи, то непонятно, кому и для чего нужна эта инквизиція» — такъ исповѣдывается интеллигентъ въ рассказѣ «Страхъ».

«Въ моихъ сужденіяхъ нѣтъ того, что называется общей идеей, или боготъ живого человека» — дѣлаетъ признание профессоръ въ «Скучной исторіи».

Но съ особенной силой трагедія русской большой мысли и воле раскрыта Чеховымъ въ Палатѣ № 6, рассказѣ, создавшемъ славу. Въ этомъ чеховскомъ шедеврѣ, появившемся за 30 лѣтъ до «Вѣхъ» угадано и изображено поразительными чертами крупнейшее русское интеллигентство.

Безрождичное, несладкое позурри изъ старшихъ, тогда еще непонятныхъ, писанъ получается изъ рѣчей интеллигента Громова, горячихъ и страстныхъ рѣчей о позности и наглости, о рѣшительныхъ творитъ и о прекрасной жизни, какая современность будетъ изъ земли, «черезъ 200 лѣтъ жизнь будетъ изумительно прекрасна и бѣ».

А докторъ Андрей Ефимовичъ, говорящій о томъ, что людямъ не надо мѣшать умирать, такъ какъ смерть естественный и нормальный процессъ жизни; что обещать страданія докторамъ безмысленно, такъ какъ страданія ведутъ человека къ совершенству. И кѣтъмъ опять тотъ же назойливо звучащій жотанъ въ устахъ всѣхъ мысленныхъ героев чеховскихъ произведеній: «зачѣмъ было измѣнять изъ небытия человека и потогъ, словно въ заступку, превращать его въ глупца? Только такъ можно утѣшать себя тѣмъ, что тѣло его будетъ современно жить въ травѣ, камнѣ и жабѣ».

ные, большие фанатизмъ, обреченные габели и обреченные на гибель, или маршбеты.

Разладъ между мыслью, словомъ и дѣломъ часто приписывать вниманію Чехова.

Или болтовня, или антечи и школы — и все это не то, но настоящее — вотъ выводъ изъ его картинъ.

Жизнь правдивыхъ классовъ, тоска, скука и нелѣпость. Жизнь деревни — невѣжество, вражда, жестокость и бессмысленна.

А искусство? Чеховъ, слугитель искусства самъ, въ рассказѣ «Попрыгунья» изображаетъ архаичнаго художника такъ, что Толстой охотно подписался бы подъ этимъ рассказомъ. «Служить искусству, дѣлая изъ него профессію, — говоритъ намъ Чеховъ, — это все равно, что заниматься проституціей. Профессію проститутки правителъ всѣмъ; таланта же профессіи художника во всѣхъ отрасляхъ искусства».

И по разуму противорѣчно всѣхъ художниковъ, противорѣчно съ собой въ себѣ. «Дохтъ съ мезениномъ» Чеховъ ставитъ одинъ изъ прелестныхъ вопросовъ: о трудѣ и созерцаніи. Чеховскій художникъ рѣшаетъ вопросъ по библейски: трудъ во всѣхъ его видахъ — есть проклятіе, счастье человека въ наслажденіи созерцаніемъ красоты и въ переносѣ наслажденія другимъ. Игра, забава, радости — въ этомъ все, а школы, антечи, фабрики, заводы, промышленность, земледѣліе и вся эта сезонная каторга, какъ и трудъ такъ называемыхъ свободныхъ профессій — проклятіе. Художникъ вослициаетъ: «Я не хочу работать и не буду, пусть все провалится въ тартарары!»...

Вражда къ техническому прогрессу, назанущему на людей ношны цѣны труда, подмѣчена Чеховымъ и въ антахъ: крестыне не хотѣть новаго мѣста, не хотѣть желѣзной дороги, и въ мѣхъ косности и невѣжествъ склонитъ твердое желаніе покоя.

Созерцаніе — радость, трудъ — проклятіе.

И уже совѣтъ трагическія ноты звучатъ въ одномъ изъ послѣднихъ чеховскихъ рассказовъ «Воскресникъ»: «счастья нѣтъ и не должно его быть. Смыслъ и цѣль жизни не въ извѣстномъ счастьѣ». — Въ чемъ же? Ощуща нѣтъ, а есть старый совѣтъ: дѣлайте добро.

Дѣлайте добро, не уставая, а тамъ придетъ смерть — неизбѣтнелица: «Мы увидимъ ангеловъ, увидимъ небо въ алмазахъ. Мы отдохнемъ!».

Такое же наследство оставилъ намъ Чеховъ. Не знаемъ мы выхода изъ туги на

Наряду с Обломовыми есть у Чехова и свой Штольц, фокс-борец. Из рассказов «Дуэль», но настолько великодушнее его личность Ласетий, настолько неудачна композиция фигура фокс-борца. Француз, фокс-борец — немец, и в это тоже — олицетвление чуждой культуры; Штольц тоже немец, и у Толстого это одно из самых неудачных лиц, зато Ласетий с его длинной галюкцией о Печеряги, Бальби, Бакарони и Свенгер, с его эстетством, развратом и карточной игрой — фигура, вылитая из бронзы на фоне великой — путь, пройденный пошлой интеллигенцией до 90-х годов прошлого столетия, и сейчас еще незавершенный.

Теория нравственного закона, которую проповедует Фоль-Керен — это отщепенство — настояло противоречить русским психологическим канонам морали, построенной на чувстве жалости. Что Чехов в конце повести делает уступку и заставляет Борну, сознательно желавшего уничтожить Лавиньку, протянуть ему руку примирения и испытать из-за него чувство жалости и сострадания.

В. «Рассказ нежизненного человека». Чело-век рассказывает то, что увидит сама рас-крыто десятилетие после 1905 года — ку-пительный рассказ душевный наших рево-люционеров-интеллигентов, избравший так: про Распутинных в романе «Та, чего не было». Революционер посылается в ка-честве залеза у главного петербургского чи-новника с целью убить его отца, всемогу-щего министра, и не только не убивает ми-нистра, но с ужасом приходит к убий-деню, что потерял шар в дело револю-ции, что дело это — жестоко, бесчеловечно и бессмысленно, что нет эти идеи, террор, вих-рительство слабого человека с целью во-звратить мировой строй и направить тяжко-разрушающуюся эволюцию на «правиль-ный» путь — только бессмысленная потуга жа-лого черта. А движение масс, когда они за-чинаются и явления развертываются стихий-но — эти события не поддаются контролю. Анон. тогда стоящие во главе движения, как Дантоны, Робеспьеры, критикуют с пёстрой у-ста о всеобщей смерти и посылание на смерть сотни тысяч, или даже, безум-

Заключив эти заветы словами гениального писателя, которому в текущем году исполнится 100 лет: «Землю, страстно желать и познать это желание в своей «Думь», чтоб русская болящая мысль и полн, чтоб пристрастие русской души истекла навсегда. Тоска его вылилась в строки, которая заветы не даны:

И знать уж насъ томить, какъ розный
Путь безъ плън,
Какъ вить изъ прозвннхъ чусомъ...

Над миром мы пройдем, без пятни
Не бросивши искал ни мысли плодотворной.
На гонимых, казачаго труда...
И прахъ зашь съ горечью судьбы и гражда-

Поточень оскорблѣнь презрительнымъ отноше-
ніемъ:

Намчаткой торжкою обвязутого сына
Наль промотавшися отворит.
Неужели же каждое русское население —
обвязуемый сын, а все предшествующие по-
коления для новыих — промотавшися отцы?
Так было до сих пор.

М. ВЛАДИМИРОВЪ.